

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

Художественное оформление серии — *Андрей Сауков*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Алекс Д.
А46 Отражение : [роман] / Алекс Д. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 448 с. — (Прочитай меня. Открытый бестселлер).

ISBN 978-5-17-120378-8

Каждая маленькая девочка мечтает о принце. Я своего встретила. Он и был таким для меня. Небожитель. Высокий, роскошный, стройный, красивый до неприличия, с опустошенными синими глазами. Он производил неизгладимое впечатление. Мы встретились в страшный день.

Он нес меня на руках с кладбища, залитую кровью и слезами. Я смотрела в холодную красоту его глаз и думала, что вот он, человек, который перевернет мою жизнь. И хотела, чтобы он нес меня вечно.

Но я не умела правильно формулировать желания.

Вот и поплатилась.

В любви как на войне. Я боролся так, как умел. Это была моя идеальная игра.

Если меня ждет ад, я возьму тебя с собой.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120378-8

© Алекс Д, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ЧАСТЬ 1

Глава 1

...Он открыл глаза, такие странные, абсолютно чёрные, я больше ни у кого таких не видела, без зрачков, будто там жил кто-то совсем другой, в хрустале, холоде, вечной ночи, не жаловался, а думал, как захватить мир.

Ники Каллен «Арена»

2003 год, Москва

Трое высоких взрослых мужчин и одна девочка лет тринадцати, не переговариваясь, не глядя друг на друга, напряженно наблюдали, как двое коренастых работников кладбища закапывают могилу женщины, которую каждый из скорбящих любил по-своему, но глубоко и искренне. Их было всего четверо здесь в этот страшный час. Трое мужчин и девочка, объединенные, пригвожденные болью, которая стирала слезы прошлых обид и невидимые стены отчуждения и недосказанности. И все они, дети разных миров, готовы были пролить слезы о той, что ушла внезапно и не прощаясь.

— Я не знал, Макс. Ты веришь мне? — солидный брюнет средних лет тронул за плечо молодого человека, уткнувшегося носом в воротник модного пальто. — Макс, скажи что-нибудь. Ты уже сутки молчишь. Мне тоже больно. Я очень любил твою мать. Она сама ушла от нас, чтобы вернуться в эту богадельню.

— Не сейчас, папа, — прошелестел молодой человек охрипшим голосом.

Он не шевелился, не поднимал глаз и, кажется, даже не дышал, и только белое облачко пара над воротником пальто выдавало в нем живого человека.

— Не будь таким сейчас, Макс. Не отдаляйся от меня, словно я виноват в том, что твоя мать сбежала к любовнику.

Девочка, которая все это время стояла в сторонке, держась особняком от остальных, вздрогнула, вскинув светлые глаза на

человека, бросившего такое странное для нее слово «любовник». Вторая фигура зашевелилась, пробуждаясь.

— А кто виноват, пап? Я? — все тем же безжизненным простуженным голосом ответил тот, кого называли Максом. — Или она? — он ткнул пальцем в девочку, которая задрожала еще сильнее. Третий присутствующий решил тоже принять участие. Он встал за спиной перепуганной девочки, положив ладони ей на плечи. Но она не приняла поддержку, шарахнулась в сторону.

— Что вы тут устраиваете, Эдвард? Моя сестра и ваша жена отмучилась, и все ее грехи упокоились вместе с ней. Имейте уважение. Хотя бы в этот день, — мужчина провел рукой по небритому подбородку, невольно задержавшись взглядом на дорогом кожаном плаще лощеного Эдварда Эванса, своего бывшего богатого родственника.

— Что ты знаешь об уважении, Степа? Ты когда последний раз трезвый был? Не помнишь? — Эдвард презрительно смерил родственника брезгливым взглядом. — Небось, и любовничка сестры тоже ты споил и на тот свет отправил.

Двое мужчин, принадлежащих разным социальным слоям и странам, воинственно уставились друг на друга, готовые сцепиться.

Их остановила не совесть, не человеческая мораль и не уважение к усопшей, а девочка, внезапно потерявшая сознание.

Макс бросился к упавшему как сломанная кукла ребенку. Из носа девчонки пошла кровь, смешиваясь с грязным снегом. Какое фееричное завершение безумного спектакля. Несостоявшаяся драка и голодный обморок.

Два бизнесмена из Англии, алкоголик и девочка-сирота. Почти как в стихах. Ночь. Точнее, надвигающийся вечер. Улица. Фонарь. Аптека.

Макс отлично помнил расположение улиц. Спустила столько лет. И аптеку нашел сразу. Родители увезли его из Москвы двадцать лет назад. И он не собирался возвращаться, если бы не похороны матери, так и не сумевшей обрести себя в Лондоне. Она оставила семью и уехала обратно в Россию семь лет назад. А отец не последовал за ней и сына не пустил.

Все просто. До банальности просто. Именно так рушатся семьи и умирают непрочитанными сочинения «о самом близком человеке».

— Мне нужно срочно вылетать в Лондон. Звонил Джей. Дела не терпят промедления. Горят несколько контрактов. Необходимо мое личное присутствие, — расхаживая по номеру гостиницы со стаканом виски в руке, сообщил сыну Эдвард Эванс.

Макс сидел на кожаном диване. В пальто, не сняв ботинки. Глиняные грязные отпечатки остались на белом ковре. Темноволосая голова откинута назад, очерченные скулы напряжены, а взгляд темно-синих глаз витает где-то за пределами потолка.

— Черт, да посмотри ты на меня! Хватит, Макс. Ты все время залипаешь, когда нужно собраться и решить проблему.

— У меня умерла мать. Я имею право на скорбь, — пожал плечами Макс. — Что за сироту пригрела мама?

— Дочка Лехи Собинова. Это тот, который помер от рака полгода назад. Последний воздыхатель Сони. Она еще просила у нас перевод на похороны.

— София, пап. Зови ее София. Соня — чужое имя. Моя мать была Софией. И она была лучшей на Земле, — с грустной теплотой в голосе произнес Макс. — Почему дядя и эта девочка живут в квартире мамы?

— Откуда мне знать? — раздраженно спросил Эдвард. — Что за глупые вопросы? Ты хоть слышал, что я говорил? Я уезжаю завтра. Ты со мной? Или останешься до девятого дня?

— Я не могу остаться. Мне здесь холодно.

— Можно подумать, что в Лондоне сейчас теплее, — усмехнулся Эдвард. Две пары синих глаз встретились. Отец отвел взгляд первым, не выдержав напряжения.

— Тебе все равно, да? — спросил Максимилиан.

— Конечно, нет, — выдохнул мужчина.

— Да. Поэтому она ушла. Ты не любил ее так, как она заслуживала.

— Ты не прав, мальчик.

— Мне двадцать шесть лет, отец. Я не мальчик. Даже не юноша. Я спал с женщинами, напивался в стельку, принимал наркотики и даже участвовал в настоящей оргии, пока учился в Кембридже. Но я никогда не причинял боль своей матери. Это делал ты, потому что не умел лгать так, как умел это делать я. Для мамы я был ангелом, в то время как все педагоги, которым

повезло учить меня наукам, видели во мне исчадие ада. Почему ты, черт возьми, не притворился, что у тебя ничего не было с Элизабет Макгрив? Почему не солгал? Она бы поверила. Она всегда тебе верила.

— Ты слишком молод, чтобы понять, — глаза Эдварда потухли, лицо осунулось. Он словно постарел на пару лет. — Я любил ее, Макс. Я с ума сходил. А она хотела домой. Всегда хотела домой. Словно забыла, каких трудов мне стоило увезти вас в Англию из закрытой страны. Но я не мог смотреть, как она страдает. Я дал Софии причину вернуться сюда и жить дальше, не жалея о том, что оставила меня. Иначе бы София не ушла. Я никогда не хотел Элизабет Макгрив. Я сделал это, чтобы освободить твою мать.

— На кладбище ты говорил иначе.

— Потому что мне больно, Макс. До сих пор больно.

— Почему ни один из вас не подумал обо мне? О вашем общем сыне?

— Ты был уже взрослый. Девятнадцать лет. Поздновато для детской травмы. Ты учился, был занят собственной персоной и казался абсолютно равнодушным к нашим проблемам.

Отец и сын сцепились взглядами. Одинаково синими, глубокими, пронизательными. Максимилиан горько усмехнулся. Его губы плотно сжались. Что мог знать отец о том, что происходит в душе его сына? Разве есть границы возраста, за которыми ребенку больше не нужна мать?

— Ты прав. Извини, пап, — выдохнул парень.

— Забыли, — отвел взгляд Эдвард Эванс. — София была потрясающей женщиной. Если бы я мог тогда все бросить. Мы только начали развиваться, только получили первую прибыль. Мне нужно было думать о тебе, о твоём будущем. 90-е годы. Здесь творилось черт знает что. Да и сейчас... Хотя уже скоро все может измениться. Если дела пойдут так и дальше, в плане расширения и прибыльности, я подумаю, чтобы открыть филиалы «ЗЭМСКомпани» в крупных городах бывшего СССР.

— Как ты можешь думать о бизнесе сейчас? — нахмурился Макс.

— В работе я нахожу забвение и лекарство от печальных мыслей. Если бы я был моложе, то последовал бы твоему примеру

и увлекся бы женщинами и выпивкой, но я уже слишком стар для подобных подвигов.

— Только не нужно притворяться развалиной, пап, — скептически бросил Макс. — Я знаю, что у тебя случались интрижки после развода с мамой.

— Я все-таки мужчина, — не стал отрицать Эдвард. Он серьезно посмотрел на сына. — Я должен кое-что сказать тебе, мальчик. Ты хорошо подумаешь, а потом примешь решение.

Эванс-старший сделал большой глоток спиртного. Было заметно, что он взволнован.

— Что случилось, папа? — встревожился Макс. Он подался вперед, пристально глядя на отца.

— Эта девочка... — начал Эдвард. — Ее зовут Анжелика. И София удочерила ее... Когда вышла замуж за ее отца.

— Что? — выдохнул Макс, вскакивая на ноги. — Мама вышла замуж? И ты молчал?

— Я не знал до вчерашнего дня, пока нотариус не известил меня о завещании Софии.

— О каком завещании? Почему ты мне не сказал? — голос парня гневно звенел, он тяжело дышал, руки инстинктивно сжались в кулаки.

— Ты был в шоке, подавлен и разбит. Ты, как обычно, ушел в себя, отгородился от внешнего мира. Если бы я не спешил вернуться в Лондон, то сказал бы тебе позже, когда ты бы справился с болью утраты. Но все обернулось не так, как я планировал. Решение стоит принять сейчас.

— Какое решение? О чем ты говоришь?

— Девочка — документально твоя сводная сестра, — проговорил Эдвард, тщательно подбирая слова. — Ты ее единственный родственник. Степа не в счет, он и о себе позаботиться не может. Нам нужно решить вопрос о будущем Анжелики. Останется она в России или поедет с нами.

Макс закрыл глаза, пытаясь справиться с накатывающей волной удушья. Его скулы напряглись, лицо побелело.

— Бросила сына и удочерила чужую девчонку, — прошептал парень сквозь стиснутые зубы. — Любила ее вместо того, чтобы быть рядом со мной. И я должен заботиться об этой девочке. Почему?

— София так хотела. У меня есть ее письмо, адресованное тебе. Ты все поймешь, когда прочтешь его. Она очень страдала от разлуки с тобой, Макс. Анжелика наполнила ее жизнь смыслом.

— Ну конечно, — с горечью бросил Макс, взъерошив волосы. Он смотрел на отца как на сумасшедшего, который нес полнейший бред. — Мне не нужна сестра.

— Никто не заставляет тебя делать то, чего ты не хочешь, — Эдвард подошел ближе, положил руку на плечо Максимилиана. — Прочти письмо. Я уеду утром. А у тебя будет время подумать. В конце концов, мы можем просто обеспечить ее, устроить в хорошую школу-интернат для девочек, оплатить образование. Необязательно брать Анжелику в Лондон.

Он достал конверт из пиджака и протянул сыну.

— Ты смягчишься и простишь свою мать. Я знаю...

— Ты совсем меня не знаешь, пап. Существуют разные формы предательства. И я могу смириться со многими из них. Но предательство матери... Нет. Я не смирюсь. Никогда. Что может быть хуже этого?

— *Предательство любимой женщины*, Макс. Нет преступлений, которые нельзя простить близкому человеку. Я простил ее. Смерть искупляет все грехи.

— Я не такой благородный, пап.

— Ты просто еще очень молод. Все пройдет. Поверь мне. Боль утихает. Рано или поздно. И мы просто продолжаем жить дальше.

— Оставь меня одного, пожалуйста, — холодно попросил Макс. Эдвард бросил на сына тяжелый взгляд. Максимилиан не понял его и не услышал. К одной свежей ране добавилась другая. И кто знает, которая из них болела больше.

— Я иду спать. Утром улетаю. Не вставай, чтобы проводить меня.

— Спокойной ночи, папа.

— Время лечит, мой мальчик. Я всегда буду рядом, чтобы поддержать тебя.

Максимилиан Эванс долго смотрел на прощальное письмо матери, когда отец ушел в свою спальню. Его Бог умер. И он похоронил его не утром на кладбище, а сейчас. Снова.

Макс не спал всю ночь, оплакивая свою боль, запивая вином свое прошлое и несчастливое детство.

Но он так и не прочел письмо.

Следующим утром, вопреки просьбе отца, Максимилиан проводил его в аэропорт. И за несколько минут до отлета сообщил Эдварду о своем решении.

— Я прилечу в Лондон, как только улажу документальные хлопоты, — произнес он. В синих глазах молодого человека стояла арктическая стужа. — Не один.

— Ты уверен? — мягко спросил Эдвард Эванс.

— София хотела, чтобы я позаботился о той, кого она назвала дочерью. Я выполню ее последнюю волю, — спокойно ответил Макс. И выражение его лица только на пару минут насторожило отца. Он улыбнулся сыну, пожав его руку.

— Я знал, что ты так и поступишь, — сказал он. — Я горжусь тобой. Это взрослое решение.

Глава 2

*Мы преисполнены нежности к тем, кому
делаем добро, и страстно ненавидим тех,
кому нанесли много обид.*

Жан де Лабрюйер

2008 год, Лондон

— Что снова случилось, Энжи? — спросил Эдвард Эванс, выходя из кабинета директора колледжа. Девушка ждала его в коридоре, кусая губы. Нервным движением она убрала прядь темных волос со лба, потупила взгляд. Святая невинность, иначе не скажешь. Эдвард тяжело вздохнул. Если бы ее характер соответствовал внешности...

— Прости, дядя Эд, — прошептала она, сделав шаг навстречу. — Я плохо нахожу общий язык со сверстниками. Анжелика Собинова в колледже для золотых английских деток! Они ненавидят русских.

— Это не так, милая, — мягко обнимая девушку за хрупкие плечи, произнес Эдвард. — Ты должна быть добрее к людям. Нельзя все слова принимать буквально. Зачем ты ударила Нелли Браун?

— Она была груба, дядя Эд, — проговорила Анжелика, поднимая на мужчину огромные серые глаза.

— Драка не решит твоих проблем. Что было бы, позвони мистер Харрис не мне, а Максимилиану? Ты хочешь, чтобы он снова лишил тебя карманных денег?

— Нет, и поэтому в анкете указала твой номер. Ты всегда добр ко мне, дядя Эд.

— Эдвард, мы же договаривались. Ты уже взрослая, чтобы называть меня так, — тепло улыбнулся мужчина. — Обещай, что я в последний раз краснел за тебя.

— Да... Эдвард. Я обещаю, — белозубая искренняя улыбка преобразила личико девушки. И Эванс окончательно оттаял. Анжелика была славной девочкой, доброй и искренней, но слишком импульсивной. Лучик живого света среди замороженных лицемерных улыбок. Он теперь прекрасно понимал причины любви Софии к падчерице. И тоже не остался равнодушным к открытой и ранимой одинокой девочке. Чего нельзя сказать о Максимилиане. Да, он принял Анжелику в свой дом, он обеспечил ее всеми необходимыми удобствами, устроил в хорошую школу, а сейчас оплачивал дорогостоящую учебу в колледже, но так и не принял в свое сердце, не смог полюбить, как сестру. Макс относился к ней, как к обузе, навязанной последней просьбой матери, как к досадному недоразумению, капризному ребенку. И был чересчур предвзят, и порой откровенно несправедлив. Любая мелкая оплошность со стороны Анжелики наказывалась, как страшное преступление. Эдвард, как мог, сглаживал углы, но он не всегда был рядом. Сын и Анжелика жили в отдельном доме на соседней улице, и когда становилось невмоготу, Энжи прибегала к нему, чтобы выплакаться и поделиться обидой. А Макс злился еще сильнее, уже на обоих.

— Ты подумала, как хочешь отметить свой восемнадцатый день рождения? — выводя девушку на улицу, спросил Эдвард. Они сели в его машину, и он повез ее домой.

— Я не хочу ничего праздновать. У меня почти нет друзей, а Макс снова будет весь вечер ходить надутый, как индюк. Мы могли сходить с тобой в кафе или просто поехать на пикник к озеру.

— Так не хорошо. Я говорил с сыном. Он намеревается снять ресторан и позвать кучу народа. Не нужно снова огорчать его.

— Макс делает это не для меня, — покачала головой Энжи. Ее улыбка вышла вялой, вымученной. — Соберутся его гости и будут говорить о бизнесе, забыв о причине праздника.

— Ну и что. Зато я буду говорить только о тебе. Ты подаришь свой первый взрослый танец старику?

— Ты не старик, дядя Эд, — засмеялась Энжи.

— Но чувствую себя им, когда ты меня так называешь.

— Хорошо. Я забылась. Эдвард, я подарю тебе свой первый танец, — торжественно пообещала девушка.

— Подумай, кого еще ты хочешь видеть на своей вечеринке. Не верю, что у тебя совсем нет подружек.

— Разве что Мила Кравченко. Мы учимся на одном курсе. Ее отец украинец, но давно живет в Англии.

— А парни? — хитро прищурившись, спросил Эдвард. — Тебе, наверное, уже нравятся мальчики?

— Мальчики мне нравились в садике, — со смехом ответила Энжи. — У Милы есть старший брат. Позову и его, пожалуй.

— Симпатичный?

— Да, — кивнула девушка.

— Сколько ему лет?

— Двадцать три.

— Слишком взрослый.

— Я не собираюсь за него замуж, Эдвард.

— Это-то и пугает меня, малышка. Взрослые парни умеют... ну, как это сказать...

— Нет, Ник не такой.

— Ник?

— Никита. Его так зовут.

— Ну, конечно, Никита не такой, — многозначительно сказал Эдвард Эванс. — Будь осторожна, милая.

— Скажите это своему сыну, — нахмурилась Энжи. — У него каждую неделю новая подружка. И все, непременно, желают со мной подружиться. Некоторые даже называют сестренкой. Представляешь?

— Он в меня. Я тоже долго ... хм... вел свободный образ жизни. До встречи с Софией, разумеется.

— Ты ее очень любил? — печально спросила девушка. Лицо мужчины омрачилось воспоминаниями.

— Да, милая.

— Я тоже, Эдвард. Я очень любила Софию.

Максимилиан Эванс вышел из офиса в отличном настроении. Ему удалось заключить сделку года, и он намеревался отметить успех со своей новой секретаршей. Старую он уволил за ужасный кофе и постоянные опоздания. Хотя ему не нужны причины, чтобы уволить сотрудника. Он держал весь офис в постоянном напряжении и страхе. Среди коллег Максимилиан Эванс прослыл, как жесткий руководитель и самодур. Он мог выставить человека за малейшее прегрешение, без объяснений причин.

— Фрея, сегодня ты выбираешь заведение, — благодушно улыбнулся он своей белокурой длинноногой спутнице. Его взгляд задержался на лице девушки. Она похожа на предыдущую, с иронией заметил Макс. Они все неизменно похожи на предыдущую. Иногда он путал их имена.

— Я не хочу в ресторан, Макс, — удивила его красавица. Максимилиан приподнял бровь, вопросительно взглянув в безупречно накрашенное лицо.

— Красная икра, клубника и шампанское больше не привлекают Фрею Филипс? — иронично поинтересовался он.

— Все это можно организовать дома. Я хочу поехать к тебе. Хочу, чтобы мы остались одни.

— Это вряд ли получится, — пожал плечами Макс, скептически усмехаясь.

— Почему? — теперь девушка выглядела удивленной.

— Ты забыла, что я живу с сестрой?

— Дом большой, и мы спрячемся в твоей комнате. Как в прошлый раз.

— В прошлый раз ты бросила меня утром и отправилась пить кофе с Энжи. И выпытывала у нее мои секреты, — напомнил Макс. Фрея изобразила смущение. Причем, весьма успешно.

— Но она не раскололась и вела себя вызывающе.

— Она плохо воспитана и к тому же не знает ни одного секрета обо мне. Мы мало общаемся, почти не видимся.

— Как это возможно? Вы живете вместе.

— Я живу в офисе, — невесело усмехнулся Макс. Фрея сочувственно коснулась его руки.

— Тебе нужно больше отдыхать, Макс. Кстати, ты пригласишь меня на день рождения сестры?

— Откуда ты знаешь про день рождения? — нахмурился Макс Эванс.

— Ты забыл, что я заказывала ресторан, цветы и ведущих? И подарок, кстати, тоже я покупала. Не хочешь знать, что ты подаришь Энжи?

— Мне все равно. До конца года я куплю ей квартирку и освобожусь от ее вечно недовольной физиономии. Пусть сама живет, как заблагорассудится. Я свою миссию выполнил.

— Ты ее не очень-то любишь? — с ноткой недоумения спросила Фрея. Они остановились возле спортивного автомобиля Максимилиана.

— Есть причины, — сухо ответил Макс, открывая дверцу. — Садись.

— Едем к тебе? — кокетливо улыбнулась девушка. Он размышлял буквально пару секунд.

— Нет. Я хочу посмотреть, как живешь ты. Диктуй адрес.

Анжелика сняла наушники, бросила плеер на кровать и, накинув на пижаму шелковый халат, подошла к окну. Удивленно нахмурилась, заметив припаркованную у дома машину Макса. Взглянула на часы. Пятнадцать минут первого ночи. Она не слышала, как он приехал. С каждым днем Макс возвращался все позднее, а если случалось вовремя, то он всегда был не один. Дом как будто тяготил его. Анжелика догадывалась, что дело в ней. Это ее Макс не хочет видеть. И, если раньше он хотя бы делал вид, что выносит ее общество, то теперь стал просто невыносимым. Ей было обидно подобное отношение, потому что сама Анжелика не испытывала к нему неприязни. И она искренне пыталась наладить отношения, пропуская мимо ушей колкие замечания и бесконечные придирки. Но, видимо, его предубеждения сильнее и глубже, чем она могла представить. Что ж, осталось недолго. Через год она сможет перевестись в университет и уедет из этого дома. Навсегда. Подальше от Максимилиана Эванса, перевернувшего ее жизнь. Никогда больше не видеть холодной неприязни в его глазах, не слышать едких замечаний. И не пытаться делать вид, что ей не больно. Не улыбаться сквозь слезы. Да, так будет лучше. И они оба обретут свободу. И смогут стать счастливыми.

